

УДК 396

ЖЕНСКОЕ ЛИДЕРСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СТРАТЕГИИ И ПРИОРИТЕТЫ

Оспанова Даяна Габиткызы

Invictus0609@gmail.com

Студентка четвертого курса ЕНУ им Л.Н.Гумилева,
факультета международных отношений,
специальности «Регионоведение».

Научный руководитель – Бекебаева А.Д.

Любое развитие и прогресс политико-правовой жизни общества недостижимо, если при этом не затрагиваются изменения, которые касаются конкретных категорий населения, меньшинства и прочих групп социума. Недооценка трансформации гендерной политики является прямым путём к разрушению демократических институтов, нерезультативности гражданского общества, вызывает недоверие со стороны общества, а также провоцирует смуту среди населения. То же самое касается и женщин. Очевидно, что права женщин на участие в

публичной власти были утверждены в мире сравнительно недавно и различные изменения происходят по сей день. Несмотря на тот факт, что в мире происходит процесс активного включения женщин в политико-правовой уклад жизни, гендерный фактор, порождающий стереотипы и негативные последствия еще актуальны. Согласно мировой статистике, существуют тенденции, касающиеся женщин в политике. Например, участие женщин в электоральной власти в разы меньше, чем участие мужчин. То же самое можно сказать о заинтересованности женщин в политических процессах. Это объясняется тем, что основные органы власти исторически были созданы и сформированы мужской половиной населения. Даже перепись населения в XVIII веке включала только мужскую часть.

В случае участия женщин в предвыборных гонках, происходит следующее: их кампании не так интенсивно продвигаются, как программы мужчин, а население, в принципе, не так доверительно относятся к их кандидатурам. В мировой практике существовало и существует много случаев, что женщина, дабы сохранять свой авторитет и политический статус, вынуждены приспосабливаться к традиционно «мужской» политической среде. Такие случаи актуальны даже в западных странах, которые всемирно признаны более продвинутым и толерантным обществом, где продвижение своих прав и возможностей женщинами в массы считается более распространённой и обыденной практикой, особенно на фоне государств восточных регионов, где традиционно руководящие посты занимают мужская часть населения.

В Республике Казахстан мужчины и женщины имеют абсолютно разные мысли по поводу управленческих возможностей, а также разные политические взгляды и пути развития государства. В различных политических структурах власти критически мало представлены представители женского пола, отсюда следует, что женщины не могут составить «критическое меньшинство», то есть около 30-40% дабы их голос был «слышим» и имел влияние на общественно-политические ситуации в стране. Таким образом, в начале XX века в Казахстане были достигнуты высокие показатели в образовательной сфере, поэтому правительство поставили новые приоритеты в качестве усиления роли женщин в политической жизни общества, а также в сферах законодательства и исполнительной власти. Согласно статистике Агентства государственной службы Казахстана, процент женщин, занимающих руководящие посты поднялся до 52% от общего числа всех сотрудников, однако, только около 10 % женщин занимают высокие должности в политических органах.

В 1991 году Казахстан обрёл независимость, после чего произошли некие изменения в органах местной власти: количество женщин в национальных и местных властях резко сократилось. Спустя двадцать лет, после выборов в начале 2021 года, количество женщин в нижней палате Парламента, то есть в Маслихате увеличилось с 16% до 21%, то есть на шесть человек, в то время как в верхней палате Парламента, а именно в Сенате, ситуация осталась неизменной. Женщин там около 5% от всего общего числа заседателей.[1]

Повсеместно по Казахстану, в Маслихах количество женщин в разы ниже, чем мужское: всего 20% от общего числа депутатов. Очень важную роль играет регион Маслихата. Таким образом, в северных областях процент женщин в нижних палатах превышает процент в южных областях. К примеру, в Павлодарской области в Маслихате процент женщин около 20%, а в Южно-Казахстанской области процент никогда не был выше 5 от общего числа заседателей. В южном регионе количество женщин ежегодно снижается, несмотря на тот факт, что с каждым годом всё больше женщин выдвигаются в кандидаты на выборах.

Из всего написанного выше, данные демонстрируют, что только 33% женщин представлены в структурах власти. На данный момент, в Казахстане отсутствуют механизмы по исправлению этих недочётов, поэтому в ближайшее время возможность перемен крайне мала. Казахстан, как участник Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации, имеет обязанность предоставлять равные возможности для обоих полов. Правительство уже намечало борьбу с этим неравенством, выпустив квоту для всех, кто баллотируется в Парламент, дабы избавиться от гендерного неравноправия, однако этот план не потерпел

успехов. [34] В последние годы чётко наблюдается рост активизации и интереса женщин к общественно-политическим событиям. Например, на последних выборах в Парламент количество баллотировавшихся женщин возросло почти в два раза, но на итоговом составе депутатов это никак не отразилось. Ни одна из ныне активно действующих политических партий Казахстана в своих программах не сфокусировалась на понятии гендерного равенства. Таким образом, для привлечения женщин в участие в политических переменах эффективных стратегий не выработано.

В Республике Таджикистан участие женщин в руководящих структурах остаётся стабильно низким, на протяжении тридцати лет, с начала обретения независимости. Согласно последним данным 2020 года, в Таджикистане всего 17% женщин являются депутатами и в Сенате, и в Мажилисе в общем. В 2014 году участие женщин в органах местной власти или в центральных органах составило всего лишь около 21% от общего количества. В центральной исполнительной власти результаты еще ниже: в этой сфере работают только 523 женщины, это 16% от общего количества соответственно. Однако, прогресс произошёл в органах местного уровня, так как в последний раз в джамоаты избирались около 38% женщин.[2]

Правительство Таджикистана не разработало конкретных квот для женщин по поводу их участия в политической жизни страны, но как и в Казахстане, повсеместно функционируют специальные школы для наращивания потенциала женщин-лидеров, тоже спонсируемые региональными организациями. Гражданское общество Таджикистана, в последние годы, начало активизироваться касаясь вопросов гендерного дисбаланса, поэтому множество неправительственных организаций предоставляют свои услуги и разрабатывают программы для женщин, стремящихся к работе в руководящих органах Таджикистана.

В Кыргызстане, после обретения суверенитета в начале 90-ых годов количество женщин, принимающих участие в политической среде значительно снизилось. При советском режиме, в Кыргызстане эффективно действовала квота, позволяющая 30% женщинам баллотироваться в различные структуры (также и в Парламент). После распада Советского Союза, данная квота была отменена, впоследствии, количество женщин в политической среде соответственно сократилось. Слабое количество представительства женщин замечено на всех уровнях Кыргызстана по республике. Например, в 2002 году, при выборах в Парламент, из числа женщин-депутатов было всего лишь 5,9% от общего числа. На данный момент, по последним данным 2020 года, сейчас в Парламенте Кыргызстана от общей суммы только 2% составляют женщины-депутаты. Со времён обретения независимости в Кыргызстанских министрах женщины работали только в следующих: это Министерство образования, Министерство Юстиции и Министерство Труда и Социальной защиты. В 90-ые годы только одна женщина назначалась Министром иностранных дел, а в Министерстве Финансов вовсе не работали женщины.

Вышеописанная ситуация является аналогичной по отношению районного, сельского и областных уровней. Согласно Нацстаткому, за последние 10 лет из всех 260 депутатов областных кенешей, только 11% от общего количества были женщинами, это 27 человек.[3]

Туркменистан, как и остальные страны Центральной Азии, подписал все необходимые конвенции, документы, связанные с улучшением равноправия внутри государства. К ним относятся Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин, которую они ратифицировали в 1997 году и Факультативный Протокол Конвенции, к которому был присоединён Туркменистаном в 2009 году. Туркменистан, в целях прогресса, выпускают свои собственные Национальные планы и стратегии, где каждый раз поднимается тема о неравноправии касательно женщин, а именно методы искоренения этих проблем. Последним важным документом была «Национальная программа действий по обеспечению гендерного равенства в Туркменистане на 2015-2020 годы», в которой описывались необходимые меры и механизмы для привлечения женщин в соответствующие структуры и повышение уровня занятости женщин в любых секторах производства. [4]

Важным фактором анализа является степень участия женщин в политических процессах государства. В Туркменистане, согласно последней информации, никогда не существовало квот, которые помогли бы женщинам быть активными в политике страны. Согласно итогам выборов депутатов пятого созыва, в 2013 году, количество женщин-депутатов в туркменском Парламенте составило около 27%, что превысило международную норму, которая составляет лишь 22%. В Туркменистане также зарегистрированы случаи, когда женщина занимала высокие позиции в Меджлиса (например, вице-председатель и так далее) или прокуратуре (например, Гурбанбиби Атаджанова- 10 лет была главным прокурором страны). Что касается местного, областного и районного уровня, показатели тоже являются достаточно неплохими. На данный момент, участие женщин на городском и районном уровне составляют около 20-22%, на местном уровне около 16% и на сельском уровне около 18% соответственно. [5]

Узбекистан – является страной, где происходили позитивные веяния, итогом которых стали улучшение положения женщин в стране, сравнивая с опытом остальных государств. К примеру, с момента обретения независимости с 1992 года до начала 2000-ых, участие женщин в политической сфере было стабильным, количество работников женского пола составляла 9,5% от общего количества. В 2003 году правительством Узбекистана была разработана система квота, относящаяся к Закону о выборах. Данные квоты предоставляли необходимость участия не менее 30% женщин в политическом секторе государства. Именно это нововведение помогло Узбекистану добиться кадровых перестановок и достичь достаточного гендерного баланса в политической системе. Если ранее, то введения конституционной реформы и создания двухпалатного Парламента в Узбекистане, количество женщин в Парламенте составляло менее 7%. После выборов в 2005 году они получили новые места, с количеством в 17%.

Несмотря на это, на выборочных должностях в государстве женщин остаётся сравнительно мало. Критическим меньшинством считается 30-40%, а в Узбекистане женщины составляют лишь 15% Сената и 20% членов Законодательной Палаты, в общем, это всего лишь 19% Олий Межлиса. [6]

Все политические партии Узбекистана имеют женское крыло, однако ни одна из них не пропагандирует, как нечто важное, гендерное равенство и остальные проблемы, относящиеся к нему. Важно упомянуть, что после введения вышеописанной квоты, в политических партиях тоже произошли позитивные изменения: количество женщин увеличилось с 37% до 50% в пяти главенствующих партиях. Однако, существует проблема, заключающаяся в количественных целях данной квоты, поэтому женщины не так активны в процессе функционирования партий и не занимают лидирующих позиций в них.

Таким образом, в общей сложности, участие женщин в политических процессах считается опытом нетрадиционного политического действия. Учитывая это суждение, женщины, которые занимают высокие общественные должности, всегда, как правило поднимают очень специфические, но необходимые вопросы, требующие незамедлительных решений: бытовое насилие, гендерное равенство, торговля женщинами, изнасилования и тому подобное.

Несмотря на инициативность женщин, в центральноазиатских странах по сей день сильна роль традиций, стереотипов и предрассудков, которые в большей степени являются сдерживающим фактором. После развала СССР и получения независимости, государства начали возвращаться к тому наследию и устоявшимся прежде ценностям. Традиционно, Центральная Азия является регионом с исконно патриархальным укладом жизни, где женщинам приходится адаптироваться, лавируя между принятыми рамками и устоями и новыми тенденциями, чтобы обеспечить благополучное будущее для себя и своих детей.

Список использованных источников:

1. Asian Development Bank (2013), Kazakhstan: Gender Country Assessment, Philippines, www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/34051/files/kazakhstan-country-genderassessment.pdf.
2. Пресс-конференция Комитета по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан. 30 июля. <http://kumitaizanon.tj/ru/news/id/150>.
3. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. 2014. О положении сельских женщин в Кыргызской Республике. (размещено по адресу: (<http://www.stat.kg/media/publicationarchive/66bd4835-30f0-4dcc-b321-694e9b12e336.pdf>).
4. Государственный комитет Туркменистана по статистике. О Туркменистане. (размещено по адресу: [http://www.stat.gov. tm/ru/main/info/turkmenistan/](http://www.stat.gov.tm/ru/main/info/turkmenistan/)).
5. Олкотт М. Второй шанс Центральной Азии. URL: http://carnegieendowment.org/files/9429CentralAsia_book-full_text.pdf (дата обращения: 4.08.2020)
6. Ганиева г. Гендерные исследования в центральной азии. Gender researches in uzbekistan: modern condition and V international scienti fic conference of the german-kazakh university, Almaty (kazakhstan) 13 – 15 march, 2008 p. 51 – 59)